

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: На прогулку за оргазмом

Занимаясь онанизмом много лет, я многое попробовал, и многое испытал благодаря терпению моей пиписьки и её хорошей отзывчивости на моё сексуальное возбуждение. Но однажды простого онанирования мне стало мало и, в мою дурную голову стали всё настойчивее приходить мысли как-то разнообразить свои приятные «упражнения» с моим дивным органом. Я понимаю, что цель то была одна — поскорее возбудиться, чтобы получить больше удовольствия и поярче кончить. Только и всего!

На этот раз я долго (всю неделю) планировал, чем бы себя в этом плане побаловать? Во-первых, я прекратил свои ежедневные онанизмы, которые я называл «накачки» или просто «качания». Мысленно я так и говорил себе: «Накачаю пипиську, подкачаю удовольствия, качну член», а во время онанирования часто произносил: «Кач-кач». Это меня дополнительно возбуждало. После того, как я потерпел без «качек» три дня, моё воображение обострилось и я, после некоторого выбора, решил, что нужно попробовать накачать пипиську где-нибудь на природе. Лучше всего на речке, так как там в выходные можно ещё подогреть себя созерцанием полуголых дам. Итак, решено!

Еле дождавшись (уже приходилось крепиться, чтобы не трогать свою пипиську!) субботы и всё хорошо продумав, я отправился на городской пляж. Одет я был специально, а именно, на мне не было трусов, а в старых свободных брюках правый карман был распорот сантиметров на пять, так что я мог, при желании рукой щупать своего сексуального товарища.

На пляже я походил по рядам отдыхающих, выбирая глазами симпатичных девушек и пышнотелых дам. О напряжении члена можно было думать одно — не как его поднять, а как бы немного спрятать его непомерную напряжённость. Правой рукой я несколько сдерживал своего «жеребца», что и позволяло мне пройти перед женщинами без особого смущения. Головка этого «прибора для онанизма» то и дело сама выкатывалась из покрывающей её кожи, а касаться её я очень не хотел. Есть закономерность — чем чаще прикасаться к возбуждённой головке, тем быстрее кончишь. Быстро кончать я не только не хотел, но у меня, обуреваемого постыдной похотью, была мечта: как можно дольше продолжить эти возбуждающие игры. Да, конечно, в конце концов, рано или поздно мне придётся излить из себя ту жидкость, которая в медицине так некрасиво называется спермой. Мне даже больше нравилось название, которое давали сперме мои приятели, которые в шестилетнем возрасте научили меня баловаться со своей пиписькой. Они называли её «ма! лофьей». Продолжаю, что мне хотелось бы, чтобы это случилось как можно позже. То состояние и ощущение какой-то сладостной истомы в пипиське и во всём организме мне было так приятно, что расставаться с ним не хотелось. Не из-за того, что я не мог снова накачать свой член и получить удовольствие, а оттого, что я просто знал — после такого долгого воздержания оргазм будет такой силы, что я смогу заняться онанированием на своём члене уже через пятнадцать минут, но получить острый оргазм смогу только после какого-то супервозбуждающего события. А где его взять?

И всё же я прикоснулся к члену. Трудно было устоять против соблазна поласкать его. Всегда это были короткие и очень лёгкие прикосновения, хотя тянуло к противоположному. В спутанных мыслях, так одурманенных похотью, хотелось грубо и резко одним движением обнажить головку до самого корня, стянуть набухшую кожу, потрясти пиписькой и потом

бешено накачивать, накачивать:

Клянусь, я сдерживался как только мог! В прибрежных кустах, переходящий в лесок, куда я забрёл (думаю для того, чтобы кое-что себе позволить) я расстегнул ширинку и нагло достал огромный член: Ужас! Только тут, кое-как сдерживая себя, я оглянулся по сторонам! Сразу мысль: теряешь конспирацию, а если бы кто-то наблюдал за тобой? Фу! Никого! Ещё раз огляделся на всякий случай внимательно: никого. Поглядел на писун. Да, есть чем гордиться! Испугавшись того, что сейчас кончу, я осторожно «зачехлил» его и бережно уложил в брюки.

Ещё походил мимо загорающих женщин, старательно выглядывая у них то место, где расположена их сладкая пися. У одной пися чётко очертила ложбинку между половыми губами. И это привело меня (и вы догадываетесь ещё кого!) в сладкий восторг.

У меня родилась мысль, что мне пора поискать местечко, где я могу наедине пообщаться с членом. Непросто было найти такое. Однако, спустя некоторое время, я нашёл в укромном месте поваленное дерево, за которым и устроился на земле. Было довольно удобно, спиной я упирался в бревно как в спинку дивана, меня было почти незаметно, и я мог кое-что себе позволить. Я так и поступил. Страсть во мне выросла до такой степени, что я забыл про стыд и осторожность. Время от времени оглядываясь по сторонам, стараясь, чтобы меня не застучали при моём онанизме, полностью расстегнул брюки (и верхнюю пуговицу и молнию, и, наконец, вывалил свой членище. Вид его меня сначала даже испугал, головка опять сама обнажилась и была малиново-красной. Возбуждённая, набухшая, но не до совершенства. От этого она выглядела какой-то слегка сморщенной и, как бы это сказать, поношенной. Вот это слово! Я даже сдуру подумал, что я очень сильно и часто качаю её — вот и результат! Чтобы как-то её побольше «воодуше! вить», я стал представлять себе в своём воображении всякие непотребности. Особенно меня всегда воодушевлял вид напряжённого клитора. Я представил его себе, и, о чудо, головка расправилась! Созерцая её, я видел, что она каждую следующую секунду становится всё глаже и привлекательнее. Она как воздушный шарик, в который поддувают очередную порцию воздуха, стала надуваться всё больше и больше, и, наконец, достигла предела наглой раздутости. Её тонкая кожица так растянулась от переполняющего её восторга, что я временами, боялся, что она просто лопнет от переполнения кровью. В этот момент мне припомнилась девушка с трусиками, врезавшимися в её половую щель. Я стал воображать себе, какой у неё клитор, и что с ним будет, когда он возбуждётся. Тут я незаметно перешёл к тому, что она его, как и я свой орган, иногда накачивает. Описывать это долго, а в жизни все эти мысли пролетают в несколько секунд! Уставившись в головку писюльки, я уже думал: «А как же я натяну на головку кожу, кото! рой сейчас должен совершать онанирующие движения?» Эта штучка так разд улась, что нельзя даже было представить это! Тем не менее, мозг онаниста работает быстро. Я, осторожно сдавливая пальцами головку, добился некоторого её уменьшения за счёт того, что кровь куда-то перетекла, и быстро напятил кожу на уменьшавшуюся оконечность члена. Какое приятное ощущение! Чуть не кончил! Тем не менее, я практически приготовился, и теперь могу качать писюльку! Головка, как «Ванька-встанька» быстро набрала свои предыдущие размеры. Теперь кожа, покрывающая эту самую чувствительную часть члена, напряглась до такого состояния, что я испугался, не порвётся ли она? Моему взору предстал как-то сразу весь возбуждённый член. Я его (ещё и для того, чтобы растянуть акт моего онанизма!) осмотрел: из-под кожи, покрывающей головку, выглядывала её часть багрово-малинового цвета. Она была полностью готова к «боевым» действиям. Пися так набухла, что, покрывающая её кожа казалась тонкой

плёточкой, пронизанной надутыми синеватыми венами. На вершине похотливой головки выделилась к! апля прозрачной маслянистой жидкости. Я знал, что это от перевозбуждения. Сдерживаться было уже не в мочь. И я начал. Слегка потянув за кожу, я освободил немного головку, и одним пальцем размазал ту жидкость, о которой писал выше. Какой кайф!

Приятнейшие ощущения от этого пронзили меня и замерли где-то в основании пиписьки. Я, конечно, не мог удержаться от того, чтобы несколько раз проделать это. Короче, до тех пор, пока я всю жидкость не втёр в этот «красный колокольчик». Откровенно сознаюсь, что было так приятно, что хотелось этим способом и продолжать, и добиться оргазма: Но! Напомню: нет ничего более приятного, чем ждать (это самый сладостный период) наслаждения от оргазма! Я бросил письку и постарался немного отвлечься. Пусть спадёт напряжение!

Напряжение немного спало, но по пипиське этого не скажешь: она осталась такой же напряжённой. Я достал маленькое карманное зеркальце и, приложив его поближе, стал наблюдать член. Как будто чужой! В таком ракурсе его не видел! Двигаю медленно кожу и наблюдаю в зеркальце — чудо как нравится! Возбуждает ещё больше! Отложив зеркальце в сторону, медленно-медленно сдвигаю с головки кожу. Клянусь, каждую секунду новое прекрасное видение: переполненная кровью, она как женщина, освобождающаяся из одежды, прекрасна своей наготой! Моя кожа, наконец, достигает вершины Эвереста головки (доходит до самой её широкой части) и, вдруг, резко, с каким-то щёлкающим звуком, спадает с неожиданно полностью оголившейся бесстыдной моей части тела, всему миру (как мне кажется в этот момент) показывая всю мою развращённость и похотливость. Прежним способом возвращаю «чехольчик» на головку и, уже не в силах сдерживаться, 3—4 раза быстро качаю член: И: сразу останавливаюсь! Ну, хочу продлить удовольствие! ие! Что же мне делать? Онанизм тем временем не спит. Он подгоняет мысли и действия. Начинаю развратничать: раза три быстро качну пипиську и при этом шепчу: «Ой, ой, ой», затем медленно два раза полностью обнажаю головку, любясь её своеобразной красотой и (как ни странно), фантазируя и представляя себе женскую писю. Странно, но с началом основных онанирующих движений на своём органе, я уже не чувствую резкого препятствия головки при возвращении на неё кожи. Такое впечатление, что она сама помогает её онанировать, сама хочет этих движений и помогает мне!

Мастерски продолжаю заниматься таким онанизмом (а их бывает очень много), я, иногда, посматриваю по сторонам, оберегаю свою конспирацию. Ощущение опасности ещё больше меня возбуждает. Я уже начинаю торопиться. Я уже не щажу письку, уже стараюсь «выкачать» из неё, родимой, как можно больше наслаждения. Я иногда останавливаюсь, а иногда, сильно натягивая кожу до самого корня, обнажаю пронизанную венами внутреннюю тонкую очень чувствительную кожицу и своим похабным движением просто издеваюсь на головкой члена: она, бедная, под моими безумными пальцами, так деформируется при этом, что изгибается. Если смотреть на неё сбоку — она как будто кланяется. Кланяется моему сексуальному возбуждению, кланяется онанизму, который ей очень нравится. О, грехи наши!!! Кто может совершенно управлять в эти моменты? Вдруг, бросаю качать, обнажаю головку и начинаю смоченным слюной пальцем быстро водить по уздечке. Какое наслаждение приносят эти движения мне и моей писе, в первую очередь. Ещё бы н! есколько раз — и кончил бы. Не тут-то было! Хочу разнообразия. Теперь приступаю к методичному онанированию, потому что не могу уже! Должен сейчас уже кончить! Моя пися говорит в это время со мной. Напухшие губки канала начинают ритмично шлёпать друг о друга, кожа

производить какой-то шуршащий звук. А когда я в приступе похоти полностью сгоняю кожу с головки, получается звук, напоминающий удар кнута. Он мне так нравится, что я несколько раз щёлкаю и щёлкаю, обнажая стыдливую головку полностью. Нужно признаться, что и я не отстаю от пиписьки, не могу молчать. Я, борясь с бешеным сердцебиением, с пересохшим горлом, сладко и протяжно шепчу ей разное: «О, моя писачка! Так-так! Кач-кач, мой хороший! О, какая елда! Как мне сладко!» Но нет ничего вечного. Я дошёл до того, к чему и шёл. Приблизился, наконец, оргазм, извержение. Член весь напрягся в последний раз: Струя, как перламутровая змейка с большой головой сантиметров на пятьдесят, выстреливает из меня (О-О-О-О-О-О-О!!!), чер! ез секунду ещё залп (много, но не так резко!), затем 3—4 раза, до той поры, когда начинает медленно вытекать прозрачная жидкость. Наслаждение внутри меня продолжают, сладко до невероятности. Выдавливаю из пиписьки последние капли. Достая платок и нежно-пренежно вытираю пипиську. Она так перевозбуждена, что и нежные прикосновения к ней вызывают боль! И только тут начинаю соображать, что сделал что-то стыдное, наверное, что могут увидеть мою похотливую работу и т. д. Но что интересно, проходит время и опять хочется повторить! Вот это жизнь!